Не везетъ, да и на поди!

(Посвящается безпардонному собачаю «Данилычу»).

I.

Насколько осень 84 года оставила по себѣ пріятное впечатлѣніе, настолько-же, если не въ сильнѣйшей степени, минувшая—85 года—непріятное.

И сама-то по себѣ осень похвастаться хорошей (конечно хорошей въ охотничьемъ смыслѣ) погодой не могла, а тутъ еще, какъ нарочно, и звѣря мало было, и собаки плохо скакали, а ловили и того хуже, и въ товарищахъ единодушія не было, да въ довершеніе всего, какъ выражается многоуважаемый г. Вилинскій, еще и здорово не таланило! Результаты совокупности всѣхъ вышеупомянутыхъ прелестей—понятны и вспоминать-то объ нихъ даже бы не охота, да въ виду почти совершеннаго отсутствія въ нашей текущей охотничьей литературѣ разсказовъ псовыхъ охотниковъ, за что—до нѣкоторой степени—мы должны говорить спасибо г. Чебышову, вспомяну, авось кто изъ товарищей «борзятниковъ», пробѣгая, въ скучные великопостные вечера, эти мои воспоминанія, вспомнитъ свои подобныя имъ, и переживя—хотя и мысленно—ихъ слова, не поставитъ въ вину отсутствіе таланта въ этихъ безъискуственныхъ строкахъ, а скажетъ спасибо.....

Съ 1885 года кружокъ нашъ реорганизовался: преобладающимъ элементомъ стали борзятники.

Изъ ружейниковъ остались лишь народъ болѣе свободный, коимъ служебныя обязанности позволяли пользоваться и дальними отъѣздами.

Праздничныя охоты были отмѣнены, рѣшено отъѣхать отъ Саратова елико возможно дальше и забраться въ свѣженькія мѣста.

Нечего и говорить, что въ виду всѣхъ вышесказанныхъ улучшеній, на минувшую осень возлагалось мало надежды.—Молодежи въ стаѣ было мало и при напускѣ такъ повезло, что несмотря на то, что доѣзжачій былъ новый, ученикъ нашего извѣстнаго Адріана, котораго хватилъ «кондрашка», сдѣлавъ неспособнымъ къ ѣздѣ, въ первый-же набросъ, старуха кума, отведя стаю отъ выводка, такъ замудрствовалась лукаво, что сама влетѣла въ средину молодежи, которая не отходила еще отъ ногъ лошади Алексѣя, та чуть ее не схватила, залилась навзрячь, и, съ подвалившими стариками, долго держала, а съ того раза и по лисамъ гонять стала.

Въ той уймѣ, гдѣ мы наѣзжаемъ стаю, этотъ годъ оказался выводокъ волковъ; его подвыли и во второй разъ рѣшили набросить прямо на логово.

Только разсвѣло 5 іюля, какъ мы вступили въ островъ.

Я, по обыкновенію, иду передомъ; за мною Алексѣй со стаей.

Глядь!—бѣжитъ волченокъ, направляясь къ логову...

«Улю-лю!»

Стая бросилась ко мнѣ,—натекши «слѣдъ», взревѣла и, изломя ногу, понеслась влѣво по нему на логово, въ Денежный оврагъ. Алексѣй толконулъ за стаей, выжлятникъ—дорогой внизъ, въ самый Денежный, 3 охотника остались охлопывать съ этой, а я поскакалъ въ объѣздъ на другую сторону оврага.

Стая ревма реветъ, Алексѣй съ сильнымъ трескомъ ломится за нею, а «материкъ» сидитъ себѣ на логовѣ и воетъ!

Испуганный волченокъ, не останавливаясь, бѣжитъ мимо логова и лишь стая равняется съ нимъ (съ логовомъ), принимаетъ всю кромѣ Мажаровской «Тревоги», бывшей значительно впереди, на себя и ведетъ внизъ.

«Тревожка» же, на глазахъ Алексѣя, тщетно старавшагося спѣшить по непролазной чащѣ, почти на полѣнѣ у волченка, скрывается подъ кручей.....

Въ результатѣ—сгоненный волченокъ и молодежь гоняетъ по волкамъ.

Весь іюль и половина августа стояла страшная засуха, жара и духота, такъ что въ проѣздку можно было ѣздить лишь ночью и къ солнечному восходу возвращаться. Во всѣ эти проѣздки нашли всего-на-всего 3 русаковъ, изъ коихъ 5 штукъ затравили и 1 ушелъ (затравили 2, изъ коихъ въ одномъ оказалось 3 большихъ зайченка).

Въ 20-хъ числахъ августа состоялось общее собраніе, на коемъ

рѣшили, сначала направить стопы въ сѣверную часть уѣзда, на границу съ Вольскимъ, въ мѣста князей Щербатовыхъ.

О мѣстахъ этихъ мы давно знали и слышали о нихъ много хорошаго, но такъ какъ княгиня Щербатова сама держала псовую охоту, то попасть въ нихъ и не имѣли возможности.

Года два тому назадъ Щербатовская охота была уничтожена, двѣ осени въ мѣстахъ этихъ никто не охотился и, по слухамъ, звѣрь расплодился въ очень большомъ количествѣ.

II.

Смеркается. Проливной дождь, съ сильнымъ холоднымъ вѣтромъ, такъ и хлещетъ въ спину. По временамъ сверкаетъ молнія.

По дорогѣ бѣгутъ рѣки, и лошади шлепаютъ по щиколку въ водѣ.

На охотникахъ сухой нитки нѣтъ; холодно, а они и въ усъ себѣ не дуютъ: говоръ, шутки, смѣхъ!

Лошади и собаки, повидимому, въ томъ-же настроеніи, какъ и хозяева.

Да какъ и не быть-то, несмотря ни на что, въ хорошемъ расположеніи духа?! Завтра, 23 августа, первая съѣзжая охота.

Рѣшили эту охоту уже давно и желаннаго дня ожидали всѣ съ нетерпѣніемъ.

Погодка все время стояла недурная, но вчера съ вечера пошелъ дождь, да и катаетъ нынче весь день. Кругомъ такъ обложило, что нѣтъ надежды, чтобы и къ завтрашнему-то дню разъяснилось. А впрочемъ — чѣмъ чортъ не шутитъ? — авось и прояснится?!...

Дорога повернула влѣво и дождь начинаетъ хлестать въ лѣвый бокъ. Невольно дѣлаешь на сѣдлѣ полуоборотъ направо, стараясь подставить дождю спину, и пускаешь коня полнымъ шагомъ. Товарищи трусятъ рысцой.

Но вотъ и поворотъ; отсюда уже и недалеко и до мѣста, да темнота такая наступила, что того и гляди отъѣдешь ногу которой-нибудь изъ молодыхъ собакъ, а онѣ, какъ нарочно, такъ и вертятся передъ лошадью.

Только и слышатся возгласы: «Лихотка—отрыщь!» «Отрыщь, отрыщь Хамъ!» и т. п.

Вотъ и деревня Верхи-Курдюмъ; тутъ послѣдній поворотъ подъ прямымъ угломъ направо, и саженей черезъ 200—усадьба Василья Капитоновича Сосѣдова, цѣль нашего стремленія. Живо

размѣстили охоту и приказавъ грѣть воду для корма, въ домъ, чтобы тамъ не насвинничать, не пошли, а съ наслажденіемъ расположились въ жарко натопленномъ флигелькѣ холостого брата Вас. Кап.—Александра Капитоновича, за самоварчикомъ.

— Экій вы молодчина, Александръ Капитоновичъ, что догадались истопить!, грѣясь у печки, кричу хлопочущему объ ужинѣ хозяину, совершенно забывъ, что онъ глухонѣмой.

. . . . . .

Дождь, хоть и потише значительно, не переставалъ всю ночь, не пересталъ и по-утру.

Стая, вмѣстѣ съ охотою А. П. Корбутовскаго, должна была придти прямо къ острову, а такъ какъ, вслѣдствіе мокроты и тумана, охотиться не было возможности, то послали сказать, что не пріѣдемъ и чтобы псари шли домой ко мнѣ въ Рокотовку, куда, напившись чаю, двинулись и мы.

Такъ какъ мокнуть было все равно, что идя дорогою, что—полями, то и рѣшили заровняться.

— Заѣдемте вонъ въ тотъ колочекъ: навѣрное найдемъ русака, предлагаетъ Василій Капитоновичъ.

Заѣхали и дѣйствительно нашли, но близко были подсолнухи, и русакъ ушелъ.

Еще 2 или 3 русаковъ нашли въ опушкѣ «Дѣвичей Дубравки» и безъ шерстинки въ торокахъ, «попами», вернулись въ Рокотовку.

И вышелъ первый блинъ комомъ.

III.

Уже часа 2 сидимъ на «Долгомъ Мосту», куда пришли еще засвѣтло: ни охоты Корбутовскаго, ни нашего фургона нѣтъ, несмотря на то, что отправили его раньше.

— Что Корбутовскій не придетъ, я былъ увѣренъ; а вотъ фургонъ то, опять по прошлогоднему, не продралъ-ли въ Кувыку?— вслухъ выражаетъ свою мысль Леонидъ Юльевичъ.

— Не должны бы — отвѣчаю; Василій (фургонщикъ), вѣдь, сколько разъ бывалъ здѣсь, да и ѣхать-то приказалъ не проселкомъ, а большою дорогою.

Что-же это можетъ значить? Ужъ фургонъ не сломался-ли? Или гончія чего не набѣдокурили-ли (стая шла съ фургономъ)? И предположенія, одно другого нелѣпѣе, невольно лѣзутъ въ голову...

Девять часовъ, а фургона все нѣтъ.

Беремъ рога и, отойдя съ версту отъ деревни, взбираемся на холмъ и начинаемъ подавать голосъ.

Нервы въ напряженномъ состояніи.

Нѣсколько разъ чудится отвѣтный рогъ, но, послѣ внимательнаго прислушиванія, оказывается, что или совсѣмъ ничего не слышно, или эхо нашихъ-же позывовъ.

— «Чу!»—опять рогъ чудится.

Перестаемъ трубить и прислушиваемся.

Нѣтъ сомнѣнія: дѣйствительно рогъ, но позади насъ.

Что за чертовщина?!

— Да очень просто, господа,—догадывается кто-то—псари пріѣхали и даютъ намъ знать.

Чуть не бѣгомъ спѣшимъ обратно.

Леонидъ Юльевичъ, съ своими изломанными ногами, которыя въ темнотѣ, да по неровной мѣстности, совсѣмъ ему плохо служатъ, ежеминутно спотыкается.

— Да идите вы, Христа ради, тише, а то летятъ, словно сайгаки,—наконецъ не выдерживаетъ онъ.

По мѣрѣ приближенія къ деревнѣ рогъ все слышнѣе и слышнѣе.

Подходимъ. На задахъ, около амбаровъ, стоятъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ, а съ ними мой борзятникъ—«Лексѣевъ» и послѣдній во всю мочь дуетъ въ рогъ.

— Что, пріѣхали?—спрашиваемъ.

— Нѣтъ!

— Такъ чего-жъ ты трубишь?

— Да они, мотри, заплутались,—вонъ оттелева нѣсколько разъ голосъ подавали,—отвѣчаетъ, указывая по тому направленію, откуда мы пришли.

— Ахъ ты старый чортъ! да вѣдь это—мы.

— А я думалъ—псари...

Даемъ коня квартирному хозяину Ильѣ и посылаемъ на пашни, а сами принимаемся за чай съ молокомъ и яйца въ смятку—все что могли добыть.

— А въ фургонѣ-то у насъ и колбаса, и сыръ, и отбивныя котлеты, перечисляю я запасъ съѣдобнаго, поддразнивая проголодавшихъ товарищей.

— И не говори!...

Просидѣли до 12-го часу. Начинаетъ клонить ко сну и, положивъ бекеши подъ голову, размѣщаемся на голыхъ лавкахъ.

Только задремлешь—такая чертовщина пригрезится, что ажно вскочишь,—и дрему какъ рукой сниметъ.

А въ сосѣдней избѣ, гдѣ расположилась хозяйская семья и наши борзятники, такой сладкій храпъ и сапъ, что зависть беретъ.

И Илья словно въ воду канулъ.

«Стой гончія!... Ко заду!» вдругъ раздается подъ окномъ, надъ самымъ моимъ ухомъ, сердитый голосъ Алексѣя.

Какъ ужаленный, вскакиваешь и открываешь окошко.

— Ну что пришли? — невольно срывается, съ-просонковъ, глупый вопросъ.

— Пришли-съ.

— Да гдѣ-же вы пропадали-то до сей поры?!

— Да все съ фургономъ бились въ оврагѣ... Лошади стали... онѣ и теперь тамъ, рапортуетъ отрывистыми фразами Алексѣй.

. . . . . .

Фургонщикъ съумничалъ и, такъ какъ большою дорогою дальше, поѣхалъ проселкомъ, да и засѣлъ между Разбойщиною и Шевыревкою въ крутомъ врагѣ.

Сразу фургонъ разгрузить не догадались, а потомъ хоть ужъ и разгрузили, да лошадей такъ измучили, что онѣ и пустой-то не берутъ.

Такъ и пробились сдуру-то до 2-хъ часовъ утра, вмѣсто того, чтобы сію-же минуту дать знать намъ.

Узнавши, что сравнительно все обстоитъ благополучно, на душѣ сразу полегчало.

Живо разбудили борзятниковъ, но не скоро снарядили и запрягли телѣгу, взяли свѣжихъ лошадей и, съ подоспѣвшимъ Ильею, отправились въ злополучный оврагъ, откуда фургонъ и извлекли, но какъ ни спѣшили, на Долгій Мостъ привезли лишь къ 7 часамъ утра.

В. Дмитріевъ.

(*Окончаніе слѣд.*).

д. Рокотовка,
Саратовскаго уѣзда.
12 февраля 86 г.